

М. А. Сидорова

МГУ — ИЯз РАН, Москва

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОРНОМАРИЙСКИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ¹

1. Введение

В статье рассматривается числовое оформление существительных, входящих в состав количественных конструкций, в горномарийском языке (< (финно-волжские) < финно-угорские < уральские)². Под количественными конструкциями (далее также КК) мы понимаем в первую очередь сочетания существительных и квантифицирующих их количественных числительных. Однако есть и другой тип конструкций, в которых происходит квантификация существительного, — это конструкции с различными типами кванторов. В данной работе обсуждается числовое маркирование существительного в конструкциях первого типа в горномарийском языке в сравнении с некоторыми особенностями маркирования в конструкциях второго типа, поскольку и те, и другие могут накладывать ограничения на оформление существительного ([Bach et al. 1995: 327; Corbett 2000: 97; 211–213]). В ряде работ на материале различных языков они рассматриваются вместе как из-за внешнего сходства семантических и синтаксических свойств (по-видимому, по этой причине в [Саваткова 2002: 148] горномарийские лексемы *šukä* ‘много’ и *čädä* ‘мало’ включаются в подкласс «неопределенно-количественных числительных»), так и на основании наличия других, менее очевидных общих черт, выявленных в рамках формального подхода к синтаксису, см., например, [Babby 1987; Roehers, Sapp 2016].

---

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 16-06-00536а.

² Материал собран методом элицитации в с. Кузнецово и деревнях Тюманово, Апшак-Пеляк, Никишкино, Паулкино, Кукшилиды, Кожлангер в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2016 и 2017 гг.

В языках мира встречается несколько стратегий числового маркирования существительных в конструкциях с числительным: в первом случае в конструкциях с множественным референтом строго требуется показатель множественного числа (ср. англ. *three dogs* / *three dog), во втором случае, напротив, допускается только существительное в форме единственного числа, поскольку множественность референта уже выражена с помощью числительного, см. (1).

- ВЕНГЕРСКИЙ
 (1) *hat fiú érkez-ett*
 шесть мальчик[SG] приехать-PST[3SG]
 ‘шесть мальчиков приехало’ [Corbett 2006: 25]

Но в некоторых языках наблюдается и третий вариант, при котором происходит смешение первых двух стратегий, и тогда выбор числового показателя чаще всего регулируется сложным набором правил, наиболее весомым из которых является арифметическое значение числительного. Чем меньше значение числительного (в ИГ с множественным референтом), тем более вероятно маркирование существительного в такой ИГ показателем PL, и, наоборот, чем больше значение числительного, тем с более высокой вероятностью ожидается, что квантифицируемое им существительное будет иметь форму SG [Greenberg, Kemmer 1990: 283]. Среди уральских языков такая тенденция хорошо прослеживается, например, в мокшанском, ср. (2а–б), см. подробнее в [Шматова 2013; Сидорова 2015].

- МОКШАНСКИЙ
 (2а) *kolma traks-t / *traks*
 три корова-PL корова[SG]
 ‘три коровы’
 (2б) *koms’ traks / *traks-t*
 двадцать корова[SG] корова-PL
 ‘двадцать коров’

Одушевленность референта в количественных конструкциях также повышает вероятность маркирования существительного показателем PL, см. [Corbett 2000: 55] о числовом маркировании в целом и типологическое обобщение в [Greenberg, Kemmer 1990: 283]

о числе в количественных конструкциях. Кроме того, в данном обобщении сказано, что единственное число высоковероятно в конструкциях, где существительное обозначает единицу измерения.

В горномарийском языке есть две числовые граммемы: единственное число (далее также SG) и множественное число (PL). В данной работе будет обсуждаться механизм выбора одной из них в именных группах, модифицированных с помощью различных квантификаторов. О числовом маркировании в горномарийских именных группах без квантификаторов см. [Бочкова, настоящий сборник].

2. Горномарийский язык: предшествующие исследования

В грамматике [Саваткова 2002: 144–156] выделено несколько разрядов числительных. К «определенно-количественным» относятся числительные с фиксированным количественным значением (например, ‘1’, ‘2’ и т. д.). К «неопределенно-количественным» числительным отнесены многие кванторные слова, в том числе неопределенные местоимения с кванторным значением (например, в этот список входят такие единицы, как *šukä* ‘много’, *čädä* ‘мало’, *ikman’ar* ‘несколько’, *iknäřä* ‘одинаковое количество’). Помимо количественных, среди горномарийских числительных в данной грамматике выделяются дробные, порядковые, собирательные и числительные приблизительного счета. Универсальные кванторные слова (или УКС, см. [Татевосов 2002]) *cilä* ‘все’ и *každäj* ‘каждый’ трактуются как определительные местоимения. Согласно А. А. Саватковой,

определительные местоимения, как и некоторые другие разряды местоимений, могут употребляться как местоименные существительные, как местоименные прилагательные и местоименные числительные [Саваткова 2002: 165].

Отмечается, что «определительные местоимения» часто выполняют функцию определения перед существительным, однако в грамматике отсутствует информация о числовом маркировании существительных в конструкциях как с «местоименными» модификаторами, так и с количественными числительными. В [Alhoniemi 1993: 91–99] говорится, что существительные в конструкциях с количественными числительными, как правило,

употребляются в форме SG, но в остальной ситуации та же: часть кванторов также объединяется с числительными, а часть отнесена к местоимениям.

Поскольку семантика горномарийских кванторных слов на данный момент не изучена в достаточной мере с позиций упомянутой классификации, мы называем квантификаторы типа *cilä* 'все, весь' универсальными кванторными словами (или УКС), а квантификаторы, не относящиеся ни к количественным числительным, ни к УКС, выделим в группу, которую условно можно обозначить «Прочие неколичественные квантификаторы».

Кроме работ, затрагивающих данную проблематику в горномарийском языке, интерес для нашей работы представляет исследование [Шматова, Черниговская 2012], выполненное на материале близкородственного лугового марийского языка, где отдельно анализируются количественные именные группы с числительными и ИГ с другими квантификаторами [Там же: 232–237]. Для кванторных слов в указанной работе используется терминология, отличная от упомянутой выше: они подразделяются на «кванторы со значением всеобщности» ('все', 'любой', 'каждый'; они же УКС), и «кванторы со значением существования» (например, 'много', 'мало')³.

В работе [Шматова, Черниговская 2012: 235] отмечается, что те кванторные слова, которые как-либо влияют на числовое маркирование существительного, можно разделить на две группы: предопределяющие выбор множественного числа («I группа») и предопределяющие выбор единственного числа («II группа»); числительные и кванторные слова типа л.-мар. *šuko* 'много' относятся ко II группе. М. С. Шматова и Е. А. Черниговская утверждают, что в общем случае существительное в конструкциях с количественным числительным не маркируется показателем PL, а случаи, не вписывающиеся в данную тенденцию, скорее калькированы с русской системы. Кванторы со значением всеобщности, по данным [Шматова, Черниговская 2012], не влияют на выбор числовой формы, поэтому в указанной работе не рассматриваются. Примеров кванторных слов, которые также являлись бы

---

³ Последний класс довольно сложен и неоднороден по составу, и существует множество работ, посвященных свойствам отдельных его элементов, например, [Roehers, Sapp 2016: 273–277; Bach et al. 1995].

приименными модификаторами в ИГ и при этом строго требовали бы множественного числа существительного (т. е. кванторов «I группы»), авторы не приводят, но из сказанного выше следует, что эти кванторы являются подгруппой внутри группы, обозначенной в текущей работе как «прочие неколичественные квантификаторы» (поскольку это не числительные и не УКС).

Некоторые тенденции и закономерности числового маркирования, описанные в [Шматова, Черниговская 2012] для конструкций вида «Q + существительное», где Q — тип квантификатора, суммированы в Таблице 1. В данной таблице, как и во всей работе, мы будем придерживаться несколько иной терминологии.

Таблица 1. Число при различных квантификаторах по [Шматова, Черниговская 2012]

Q	Число существительного
Количественное числительное	→ SG / *PL
УКС	→ SG / PL
Прочие неколич. квантификаторы	→ PL / *SG (т. н. «I группа») или SG / *PL (т. н. «II группа»)

Однако, согласно работе [Тужаров 1987: 17–21], учитывающей данные лугового марийского и в меньшей степени горномарийского, существительное в конструкции с количественным числительным может принимать как форму единственного, так и форму множественного числа, причем «с показателем множественности оно употребляется, главным образом, для выражения дискретного, отдельного множества предметов» [Там же: 17] (см. подробнее в разделе 5.4.). В той же работе отмечается, что в 1920–1930 гг. наблюдалось более свободное употребление PL в конструкциях с количественными числительными, причем такое употребление «не считалось нелитературным» [Там же: 17]. Кроме того, Г. М. Тужаровым отмечена меньшая строгость в выборе числовой формы при квантификаторах в разговорном языке по сравнению с литературной нормой, см. таблицу 2.

Таблица 2. Число при различных квантификаторах по [Тужаров 1987]

Q	Число существительного
Количественное числительное	→ SG / ^{OK} PL
УКС	→ PL / ^{OK} SG
Прочие неколич. квантификаторы	→ SG / ^{OK} PL или PL / ^{OK} SG

Примечание. Как отмечает автор, различные кванторы, относящиеся к последней группе (напр., *šukâ* ‘много’ и *čädä* ‘мало’), предпочитают либо SG, либо PL на существительном, однако строгих запретов скорее нет.

Рассматриваемые конструкции в [Тужаров 1987] описаны в основном на материале лугового марийского, а кроме того, в данной работе отсутствует какая-либо информация о факторах, влияющих на выбор граммы числа (за исключением отмеченной отдельно более высокой частотности маркирования существительных показателем PL в конструкциях с кванторами *šukâ* ‘многие’ и *kädä* (*tidä*) ‘некоторые’ в горной норме по сравнению с луговой).

Таким образом, закономерности числового маркирования в конструкциях с приименными квантификаторами в горномарийском языке ранее подробно не рассматривались. В луговом марийском языке, согласно исследованиям предшественников, в КК с числительными существительное принимает форму единственного числа, хотя ранее маркирование показателем множественного числа было более допустимым. По утверждению авторов, УКС в луговом марийском скорее не накладывают строгих ограничений на число существительного, тогда как прочие неколичественные квантификаторы делятся на две группы — те, которые вызывают маркирование существительного множественным числом, и те, которые обычно сочетаются с существительными в единственном числе. Факторы, вызывающие отклонение от основной стратегии, для лугового марийского подробно не рассматриваются (за исключением дистрибутивности, см. раздел 5.4).

3. Горномарийский материал: структура квантифицированной именной группы

В работе [Плешак 2017], посвященной структуре горномарийской именной группы в целом, описывается базовый порядок слов в ИГ. Выделяется несколько слотов, включающих в себя различные элементы и занимающих различную позицию относительно вершины. Базовую структуру ИГ можно представить следующим образом: [РЕКУРСИВНЫЙ слот [РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ слот [ОБЪЕКТООБРАЗУЮЩИЙ слот [СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ]]]]. В рекурсивный слот входят генитивный посессор, причастные обороты, зависимые с атрибутивизаторами. Референциальный слот может содержать указательные или неопределенные местоимения, числительные и прочие квантификаторы. Объектообразующий слот включает причастия без зависимых, прилагательные различных типов и существительные (ср. конструкции с соположением). Порядок зависимых внутри референциального слота является очень четким: левее всего (линейно) располагаются кванторные слова, не являющиеся количественными числительными, далее следуют местоимения, а ближе всего к вершине находятся числительные.

Однако, как показывает наше текущее исследование, некоторые кванторные слова могут занимать различные позиции внутри ИГ, ср. возможность варьирования порядка в некоторых идиолектах для числительного *kâm* ‘три’ в (3а) и невозможность такого варьирования для кванторного выражения *kâdâ tidä* ‘некоторые’ в (3б).

- (3а) *män'-än kâm jažo täng-em / 'mä'n'-än*
 я-GEN три хороший друг-1SG.POSS я-GEN
jažo kâm täng-em kušt-aš
 хороший три друг-1SG.POSS танцевать-INF
jarat-at.
 любить-NPST.3PL
 ‘Три моих хороших друга любят танцевать’.

- (3б) *kâdâ tidä män'-än jažo täng-em /*
 который тот я-GEN хороший друг-1SG.POSS
*mä'n'-än jažo kâdâ tidä täng-em
 я-GEN хороший который тот друг-1SG.POSS

kušt-aš   *jarat-a.*
 танцевать-INF любить-NPST.3SG
 ‘Некоторые мои хорошие друзья любят танцевать’.

В таблице 3 рассматривается допустимость различного порядка слов в квантифицированных ИГ с другими зависимыми (во-первых, с местоимением *tən'-ən* ‘1SG-GEN’, а, во-вторых, с прилагательными, которые занимают объектообразующий слот).

Таблица 3. Позиция в ИГ

Квантификатор	Pr + Q + Adj (нейтр.)	Q + Pr	Adj + Q
<i>vəclə</i> ‘50’	ОК	?	ОК
<i>šukə</i> ‘много’	ОК	ОК / ?	*
<i>kədə tidə</i> ‘некоторые’	ОК	ОК	*
<i>cilä</i> ‘все’	ОК	ОК	*

Примечание. Заглавия столбцов в таблице отражают различный порядок слов. Pr обозначает местоимение, Q — какой-либо из квантификаторов, перечисленных в левом столбце, Adj — прилагательное.

В первом столбце представлен нейтральный порядок слов в квантифицированных ИГ, в двух последующих — некоторые «отклонения» от этой нормы. Таким образом, получается, что только числительные могут занимать позицию после элементов объектообразующего слота. То есть, возможно, у них есть какие-то свойства, которые делают их похожими на прилагательные и обеспечивают такую возможность. В то же время только количественные числительные (и до некоторой степени — кванторное слово *šukə* ‘много’) запрещаются в позиции перед местоименным посессором. Однако на данном этапе из этого наблюдения сложно вывести какие-либо четкие закономерности, поскольку статус таких посессоров до конца не изучен.

4. Горномарийский материал: факторы, определяющие маркирование

4.1. Нарушение типологических ожиданий

На горномарийском материале нами рассмотрены группы с количественными числительными и некоторыми другими квантификаторами: *šukə* ‘многие’, *kədə (tidə)* ‘некоторые’, *čədä* ‘немногие’

и УКС *čilä* ‘весь, все’. УКС с обязательной дистрибутивной интерпретацией (см. [Татевосов 2002: 69–76; 78]) типа *každâj* ‘каждый’ не рассматриваются, т. к. они ассоциированы с единственным числом и не допускают вариативности в числовом маркировании существительного. Следует отметить, что в горномарийском языке кванторы, как и остальные приименные модификаторы, не согласуются с существительным.

В количественных конструкциях система факторов, определяющих выбор той или иной формы, устроена довольно нетривиально. Во-первых, эта система не демонстрирует различий между «малыми» и «большими» числительными (ср. (4)–(6)).

- (4) **văc** *olma* / *olma-vlä
 пять яблоко яблоко-PL
 ‘5 яблок’
- (5) **lu-at** **văc** *olma* / *olma-vlä
 десять-DEC пять яблоко яблоко-PL
 ‘15 яблок’
- (6) **văclă** *olma* / *olma-vlä
 пятьдесят яблоко яблоко-PL
 ‘50 яблок’

Во-вторых, различия в числовом маркировании между референтами, занимающими различные позиции в иерархии одушевленности, также отсутствуют, ср. (7)–(12).

- (7a) *stöl vălnă* **văc** *kruška šănz-ä-t* /
 стол на пять чашка сидеть-NPST-3PL
šănz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
- (7б) *stöl vălnă **văc** *kruška-vlä šănz-ä-t* /
 стол на пять чашка-PL сидеть-NPST-3PL
šănz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоят 5 чашек’.
- (8a) *alâk-âštâ* **văc** *âškal kašt-ât* /
 луг-IN пять корова ходить-NPST.3PL

kašt-eš.

ходить-NPST.3SG

- (8б) **alâk-âštâ vâc âškal-vlä kašt-ât /*
 луг-IN пять корова-PL ходить-NPST.3PL

kašt-eš.

ходить-NPST.3SG

‘На лугу ходят 5 коров’.

- (9а) *komnatâ-štâ vâc t’et’ä šänz-ä-t /*
 комната-IN пять ребенок сидеть-NPST-3PL

šänz-ä.

сидеть-NPST-3SG

- (9б) **komnatâ-štâ vâc t’et’ä-vlä šänz-ä-t /*
 комната-IN пять ребенок-PL сидеть-NPST-3PL

šänz-ä.

сидеть-NPST-3SG

‘В комнате сидят 5 детей’.

- (10а) *stöl vâlnä vâclâ kruška šänz-ä-t /*
 стол на пятьдесят чашка сидеть-NPST-3PL

šänz-ä.

сидеть-NPST.3SG

- (10б) **stöl vâlnä vâclâ kruška-vlä šänz-ä-t /*
 стол на пятьдесят чашка-PL сидеть-NPST-3PL

šänz-ä.

сидеть-NPST.3SG

‘На столе стоят 50 чашек’.

- (11а) *alâk-âštâ vâclâ âškal kašt-ât /*
 луг-IN пятьдесят корова ходить-NPST.3PL

kašt-eš.

ходить-NPST.3SG

- (11б) **alâk-âštâ vâclâ âškal-vlä kašt-ât /*
 уг-IN пятьдесят корова-PL ходить-NPST.3PL

kašt-eš.

ходить-NPST.3SG

‘На лугу ходят 50 коров’.

- (12a) *komnatâ-štâ văclă t'et'ä šänz-ä-t /*
 комната-IN пятьдесят ребенок сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG
- (12б) **komnatâ-štâ văclă t'et'ä-vlä šänz-ä-t /*
 комната-IN пятьдесят ребенок-PL сидеть-NPST-3PL
šänz-ä.
 сидеть-NPST-3SG
 ‘В комнате сидят 50 детей’.

Таким образом, получается, что основные факторы, влияние которых описано для количественных конструкций в языках мира, в горномарийском оказываются нерелевантными.

Следующий фактор, который может влиять на числовое оформление существительного в количественных конструкциях в языках мира, — референциальные характеристики, в частности определенность или референтность (ср. [Corbett 2000: 10; Шматова 2013]). В горномарийском языке данный фактор также не обнаруживает видимой корреляции с числовым маркированием в количественных конструкциях. В ходе исследования были проверены примеры с ИГ с различным референциальным статусом, а также топикальные и фокусные ИГ, однако ни одна из получившихся таким образом групп не демонстрирует значимых отличий⁴ (сводящихся именно к референциальным характеристикам или к коррелирующим с ними понятиям информационной структуры), ср. (13)–(15).

- (13) *ta-maxan' kâm ädär / ??ädär-vlä män'*
 INDEF-какой три девочка девочка-PL я
doc-em ke-n kolt-evä.
 около-1SG идти-CVB посылать-PRET.3PL
 ‘Какие-то три девочки прошли мимо меня’.

⁴ Иными словами, несмотря на то, что коммуникативная структура определяет многие закономерности в марийских идиомах (см., например, [Толдова, Сердобольская 2002] о маркировании прямого дополнения в луговом марийском, [Хомченкова, Плешак 2017] о дискурсивных употреблении посессивных маркеров в горномарийском), она не влияет на числовое маркирование в количественных конструкциях.

- (14) *kü tengečä tol-än?* *tengečä kâm ädär /*
кто вчера приходить-PFV вчера три девочка
*ädär-vlä tol-än-ät.
девочка-PL приходить-PFV-3PL
'Кто вчера приходил? Вчера приходили три девочки'.
- (15a) *ma tengečä li-ält-än?* *kâm ädär /*
что вчера становится-MED-PFV три девочка
*ädär-vlä tol-än-ät.
девочка-PL приходить-PFV-3PL
'Что вчера произошло? Приходили три девочки'.
- (15б) *ma tengečä li-ält-än?* *ti kâm*
что вчера становится-MED-PFV этот три
ädär / ?ädär-vlä tol-än-ät.
девочка девочка-PL приходить-PFV-3PL
'Что вчера произошло? Приходили эти три девочки'.

4.2. Фактор 1: зависимые

Для горномарийского языка оказываются значимыми некоторые факторы, влияние которых на оформление количественных конструкций (и числовое маркирование в целом) в меньшей степени описано в языках мира. Например, значимым параметром является наличие зависимых, отделяющих числительное от существительного. С увеличением линейной дистанции между ними возрастает приемлемость маркирования существительного показателем множественного числа, см. (16)–(18).

- (16) *stöl välnä šänz-ät* *kâm cäškä / *cäškä-vlä.*
стол на сидеть-NPST.3PL три чашка чашка-PL
'На столе стоят 3 чашки'.
- (17) *stöl välnä šänz-ät* *kâm klovoj cäškä /*
стол на сидеть-NPST.3PL три синий чашка
?cäškä-vlä.
чашка-PL
'На столе стоят 3 синие чашки'.
- (18) *stöl välnä šänz-ät* *kâm cever*
стол на сидеть-NPST.3PL три красивый

klovoj cäškä / cäškä-vlä.

синий чашка чашка-PL

‘На столе стоят 3 красивые синие чашки’.

Этот фактор работает в конструкциях не только с числительными, но и с другими типами квантификаторов, например, ср. (19)–(20) и (21)–(22).

- (19) *kädä tidä t'et'ä-län / ?t'et'ä-vlä-län*
который тот ребенок-DAT ребенок-PL-DAT
podarkê-m pu-at.
подарок-ACC дарить-NPST.3PL
‘Некоторым детям дарят подарки’.

- (20) *kädä tidä izi t'et'ä-län /*
который тот маленький ребенок-DAT
?t'et'ä-vlä-län podarkê-m pu-at.
ребенок-PL-DAT подарок-ACC дарить-NPST.3PL
‘Некоторым маленьким детям дарят подарки’.

- (21) *šukâ pi(-žă) / ?pi-vlä(-žă) dokâ mi-äš*
много собака-3SG собака-PL-3SG к приходить-INF
a-k jarê.
NEG.NPST-3 годиться
‘Ко многим собакам не надо подходить’⁵.

- (22) *šukâ kogo pi-vlä(-žă) / ?pi(-žă) dokâ*
много большой собака-PL-3SG собака-3SG к
mi-äš a-k jarê.
приходить-INF NEG.NPST-3 годиться
‘Ко многим большим собакам не надо подходить’.

---

⁵ Частое возникновение посессивного показателя третьего лица единственного числа при части кванторных слов, особенно при кванторе *kädä tidä* ‘некоторые’ (см. (34)), по всей видимости, связано с семантикой выбора из множества. О дискурсивных употреблении посессивных маркеров в горномарийском см. подробнее в [Хомченкова, Плешак 2017].

Таблица 4. Закономерности PL маркирования существительного

Тип квантификатора	Нет зависимых	1 зависимое	2+ зависимых
Числительное	SG / *PL	SG / ^{??} PL	SG / ^{OK/?} PL ⁶
Прочие неколич. квантификаторы ⁷	SG / ^{??} PL	SG / [?] PL	SG / ^{OK} PL
УКС	SG / ^{OK/?} PL	SG / ^{OK} PL	SG / PL

Примечание. Полу жирным в таблице отмечены наиболее частотные первые реакции; с помощью обозначений типа ^{OK/?} отмечаются случаи, когда для разных носителей данный вариант обладает различной степенью допустимости.

Некоторые зависимые — например, причастные конструкции, — могут занимать позицию как до, так и после числительного. Однако, что примечательно, если такая конструкция разрывает количественную, то форма PL становится допустимой (причем в гораздо большей степени, чем при разрыве КК одиночным прилагательным), если же она (или другое зависимое объектообразующего слота⁸) находится к препозиции ко всей КК, то подобного эффекта не наблюдается.

Фактор наличия зависимых в горномарийском, по-видимому, имеет большое значение. Этому фактору не уделялось достаточного внимания в типологических работах⁹. Вместе с тем он значим

⁶ Допустимость возрастает с увеличением количества элементов между числительным и существительным.

⁷ По всей видимости, данная группа все же является неоднородной и в плане частотности выбора той или иной формы, однако эта неоднородность прослеживается скорее на уровне тенденций, а не строгих ограничений, и требует дальнейшего изучения.

⁸ См. раздел 4.

⁹ В типологических исследованиях описано аналогичное явление ('real distance') для согласования с предикатом. Выделяется два типа согласования — синтаксическое, при котором выбор показателя регулируется формальными ограничениями, то есть, показатель выбирается в зависимости от синтаксических характеристик именной группы (например, согласование по единственному числу с ИГ в единственном числе, референт которых явно множественный) и семантическое, при котором показатель выбирается в зависимости от семантических характеристик референта. Чем больше линейное расстояние, тем вероятнее

не только для марийского, но и для других финно-угорских языков, ср. хантыйский (23а–б), мокшанский (24а–б) [Шматова 2010, 2013; Сидорова 2016] и удмуртский [Кондратьева 2010]. Отметим, однако, что у большинства носителей при любых зависимых в КК единственное число остается возможным.

ХАНТЫЙСКИЙ

(23а) *kăt* *xojat*

два человек

‘два человека’

(23б) *kăt* *ūtəlti-ti* *xojat-ŋən*

два учить-IPFV.PART человек-DU

‘два учителя’

МОКШАНСКИЙ

(24а) *koms'* *traks* / *traks-t

двадцать корова[SG] корова-PL

‘двадцать коров’

(24б) *koms'* *ravža* *traks-t* / ??*traks*

двадцать черный корова-PL корова[SG]

‘двадцать черных коров’

В некоторых горномарийских примерах зависимые, не отделяющие существительное от числительного (и, соответственно, не вызывающие «потери контроля» признаков существительного)¹⁰, также повышают допустимость PL (см. (25)–(26)), однако данный вопрос требует более подробного изучения, поскольку в данных, имеющихся на текущий момент, наблюдается очень большая вариативность, установить причины которой пока сложно.

(25а) *vas'a* *cəlan-əškə* *ke-n* *ta-maxan'-gən'ät*

Вася кухня-ILL идти-PFV INDEF-какой-INDEF

семантическое согласование, см. подробнее [Belnap 1999: 176] на материале арабского языка и [Апლოнова, Сай 2014] на материале башкирского языка.

¹⁰ Зависимые, принадлежащие к так называемому референциальному слоту — указательные и неопределенные местоимения.

kām cäškä-län / [?]*kām cäškä-vlä-län*.

три чашка-DAT три чашка-PL-DAT

‘Вася пошел на кухню за какими-нибудь тремя чашками’.

(256) *vas'a cālan-äš kām cäškä-län* /

Вася кухня-ILL три чашка-DAT

[?]*cäškä-vlä-län ke-n*.

чашка-PL-DAT идти-PFV

‘Вася пошел на кухню за тремя чашками’¹¹.

(26a) *tengečä pet'ä kām cäškä-m* / ^{*}*cäškä-vlä-m*

вчера Петя три чашка-ACC чашка-PL-ACC

näl-än.

братъ-PFV

(26b) *ti kām cäškä* / [?]*cäškä-vlä stöl vël-nä*

этот три чашка чашка-PL стол верх-IN2

šänz-ät.

сидеть-NPST.3PL

‘Петя вчера купил три чашки. Эти три чашки стоят на столе’.

Таким образом, фактор «наличия зависимых» в горномарийском языке — это несколько схожих факторов: линейная дистанция (количество зависимых, в т. ч. однотипных), тип зависимого и принадлежность зависимого к тому или иному слоту согласно классификации в разделе 4. Согласно данным, собранным нами на данный момент, зависимые в КК различаются по (а) способности занимать позицию между числительным и существительным, (б) способности вызывать маркирование существительного показателем PL примерно таким образом, как отражено в таблице 5. Отклонения от этих тенденций могут быть обусловлены различиями в идиолектах, другими факторами, о которых пойдет речь

¹¹ Типичный для горномарийского языка порядок слов — SOV, однако у многих носителей (по всей видимости, под влиянием русского языка) наблюдается отклонение от этой стратегии. При этом один и тот же носитель может использовать обе стратегии (SOV и SVO) непоследовательно и не замечая этого факта в принципе. По нашим текущим данным, выбор одной из этих стратегий не влияет на числовое маркирование в КК.

в 5.3–5.4 и вариативностью, которая неизбежно присутствует в морфосинтаксисе КК даже в рамках идиолекта одного носителя.

Таблица 5. Некоторые свойства зависимых в КК¹²

Слот зависимого	Тип зависимого	Позиц. между Q и N	Допустимость PL
ОБЪЕКТОБРАЗ.	Причастия без зависимых	ок	ок
	Несколько прилагательных	ок	?
	Одиночные прилагательные	ок	??
	Существительные (сополож-е)	ок	*
РЕФЕРЕНЦ.	Неопределенные местоимения	?	?
	Указательные местоимения	???	?
	УКС	*	
РЕКУРСИВНЫЙ	Местоим. посессоры	*	
	Посессор (рефл. местоимение)	*	
	Существительные в генитиве	*	

4.3. Фактор 2: синтаксическая позиция

Следующий фактор, влияющий на маркирование в количественных конструкциях, — синтаксическая позиция ИГ. Согласно типологическим обобщениям об особенностях числового маркирования [Corbett 2000: 274], в общем случае большее количество вариантов в выборе числового показателя в языках мира наблюдается скорее в позиции субъекта, чем в позиции объекта, и в прямых падежах, чем в косвенных. Более того, данное утверждение справедливо и для существительных вне количественных конструкций в горномарийском языке: для классов объектов, где про-

¹² Заштрихованные ячейки указывают на такие зависимые, которые обычно не могут занимать позицию после числительного, и при этом их наличие не влияет на числовое маркирование существительного в КК.

типовопоставление по числу релевантно, в позиции косвенного дополнения PL выбирается реже, чем в других синтаксических позициях, см. работу [Бочкова 2016], где были рассмотрены позиции подлежащего (NOM), прямого дополнения (ACC), непрямого дополнения (DAT) и косвенного дополнения (ИГ с послелогом или локативный падеж). Однако в конструкциях и с числительными, и с кванторами наблюдается противоположная тенденция: маркер PL более допустим при косвенном падежном оформлении, см. (27)–(29). Важно отметить, что в количественных конструкциях локативные падежи и послеложные ИГ устроены по-разному: в послеложных ИГ (см. (30)) множественное число запрещается, как и в позиции подлежащего / прямого дополнения.

- (27) *stöl vālnä vāc kruška / *kruška-vlä*
 стол на пять чашка чашка-PL
šānz-ä.
 сидеть-NPST.3SG
 ‘На столе стоит пять чашек’.
- (28) *tī ölicä-štā mān’ nāl toma-m / *toma-vlä-m*
 этот улица-IN я четыре дом-ACC дом-PL-ACC
už-əm.
 видеть-PRET.1SG
 ‘На этой улице я увидел четыре дома’.
- (29) *mān’-än tāng-em-vlä nāl toma-štā /*
 я-GEN друг-1SG-PL четыре дом-IN
toma-vlä-štā äl-ät.
 дом-PL-IN жить-NPST.3PL
 ‘Мои друзья живут в четырех домах’.
- (30) *mān’-än äzä-m ke-n šārgä-škä*
 я-GEN старший_брат-1SG.POSS идти-PFV лес-ILL
nāl tāng-žā / *tāng-vlä-žā saga
 четыре друг-3SG.POSS друг-PL-3SG.POSS рядом
 ‘Мой старший брат пошел в лес с четырьмя своими друзьями’.

Влияние синтаксической позиции на числовое маркирование существительного в конструкциях с количественными числительными представлено в таблице 6.

Таблица 6. Фактор синтаксической позиции

Позиция \ Маркирование	SG	PL
NOM, GEN, ACC	OK	*
Послеложная группа	OK	*
DAT	OK	??
IN, LAT, ILL	OK	OK / ?

Возможно, бóльшая вариативность в локативных падежах — явление того же порядка, что и наблюдаемая и в других уральских языках тенденция к меньшей жесткости правил именно в косвенной позиции, например, у посессивных показателей в контекстах определенности в ижемском коми [Кашкин 2008], а также у показателей определенности [Кашкин, в печати] и посессивности [Плешак 2015] в мокшанском, более свободно опускающихся в косвенной позиции.

Фактор синтаксической позиции с другими типами квантификаторов на данный момент нуждается в более подробном изучении. По имеющимся пока данным, во всех позициях допустимы оба варианта (и SG, и PL), однако PL несколько чаще выступает в качестве основного варианта именно в прямых падежах, а не в косвенных (в отличие от конструкций с числительными).

4.4. Фактор 3: дистрибутивность

В [Тужаров 1987: 17] отмечено возможное влияние дистрибутивной интерпретации на допустимость показателя PL в количественных конструкциях.

Возьмем за основу определение из [Corbett 2000: 111–117], где под дистрибутивностью в контексте функций именного числа понимается распределенность членов группы (сущностей/событий/качеств / локаций) по пространству, разновидности (различным сортам) и времени, причем в некоторых языках может наблюдаться только одна или две из перечисленных функций. Однако определение, сформулированное таким образом, по-прежнему не позволяет провести четкой границы между «дистрибутивными» и «недистрибутивными» контекстами, поэтому в данной работе дистрибутивными будут считаться такие контексты, где множество объектов не вовлечено целиком в одну ситуацию, и дистрибутивность выделяется эксплицитно различными дополнительными

средствами (например, прилагательными типа «разный» или наречиями типа «по очереди»).

В упомянутой выше работе [Тужаров 1987: 17] отмечается, что, вопреки орфографическому словарю (автор приводит ссылку [Шкетан 1962 II: 258]), существительное в сочетании с числительным может употребляться с показателем множественности, причем, «главным образом, для выражения дискретного, отдельного множества предметов». Автор приводит пример из словарных источников, см. (31).

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (31) *Шимай, Эвай Пётыр, Шамрай, кум*
 Шимай Эвай Петр Шамрай три
гидротехник-влак куп лонга-ште кас
 гидротехник-PL болото среда-IN вечер
марте кошт-ыт.
 до ходить-NPST.3PL
 ‘Шимай, Петр Эвая, Шамрай, **три гидротехника** до вечера ходят по болоту’.

Материал, полученный нами в ходе опроса носителей, не дает возможности ни однозначно подтвердить, ни опровергнуть данное наблюдение для изучаемого идиома горномарийского языка. С одной стороны, значимая часть носителей считает неграмматичными примеры типа (32б), то есть такие, где наличие дистрибутивной интерпретации могло бы быть единственным фактором, повышающим допустимость показателя множественного числа. С другой стороны, у ряда носителей существует разница между примерами (32а) и (32б), что не позволяет на данный момент отбросить гипотезу, что этот фактор все-таки может повышать допустимость маркирования множественным числом.

- (32а) *kəm cäškä / *cäškä-vlä ik stöl-äštä šänz-ät.*
 три чашка чашка-PL один стол-IN сидеть-NPST.3PL
 ‘Три чашки стоят на одном столе’.
- (32б) *kəm cäškä / ^{??}cäškä-vlä kəm raznäj stöl-äštä*
 три чашка чашка-PL три разный стол-IN

šānz-ät.

сидеть-NPST.3PL

‘Три чашки стоят на трех разных столах’.

При этом множественное число в КК с непрямым или косвенным падежным оформлением скорее признается более грамматичным при наличии дистрибутивной интерпретации, заданной контекстом, и при наличии такой интерпретации в среднем более допустимо, чем, например, в том случае, когда КК находится в позиции субъекта или прямого дополнения¹³.

(33a) *pet'ä cālan-āš kām cāškā-lān /*

Петя кухня-ILL три чашка-DAT

*^{!?}cāškā-vlā-lān ke-n.

чашка-PL-DAT идти-PFV

‘Петя пошел на кухню за тремя чашками’.

(33b) *pet'ä kašt-ān kuxn'a-škā kām cāškā-lān /*

Петя ходить-PFV кухня-ILL три чашка-DAT

?cāškā-vlā-lān cirot dono.

чашка-PL-DAT очередь с

‘Петя ходил на кухню за тремя чашками по очереди’.

Однако даже если данный фактор является значимым, то, во-первых, это находит подтверждение далеко не у всех носителей. Во-вторых, у носителей, в ответах которых обнаруживается разница между «дистрибутивными» и «недистрибутивными» контекстами при отсутствии вмешивающихся факторов, на данный момент сложно проследить строгую систему. Вероятнее всего, что фактор дистрибутивной интерпретации является не настолько значимым, как все перечисленные выше, и может скорее усиливать влияние других факторов. Свойства КК, связанные с дистрибутивностью, нуждаются в дальнейшем изучении.

По всей видимости, фактор дистрибутивной интерпретации не играет важной роли в конструкциях с другими квантификаторами, см. (34) и (35) (при этом квантор *cilä* ‘все’ в большей

¹³ Прежде всего, имеются в виду бóльшая допустимость множественного числа в локативных падежах, однако для некоторых носителей множественное число в дативных ИГ также является более допустимым.

степени ассоциирован с множественным числом, чем, например, *kâdâ tidä* ‘некоторые’ и количественные числительные).

(34a) *cilä xâna-vlä / xâna kok cäš-eš*
 весь гость-PL гость два час-LAT
tol-ân-ât.
 приходить-PFV-3PL
 ‘Все гости пришли к двум часам’.

(34б) *cilä xâna-vlä / xâna ik veremä-n agâl*
 весь гость-PL гость один время-GEN NEG
tol-ân-ât.
 приходить-PFV-3PL
 ‘Все гости пришли в разное время’.

(35a) *kâdâ tidä xâna(-žâ) / xâna-vlä(-žâ)*
 который тот гость-3SG.POSS гость-PL-3SG.POSS
ik-vär-eš tol-ân-ât.
 один-место-LAT приходить-PFV-3PL
 ‘Некоторые гости пришли вместе’.

(35б) *kâdâ tidä xâna(-žâ) / xâna-vlä(-žâ)*
 который тот гость-3SG.POSS гость-PL-3SG.POSS
ik veremä-n agâl tol-ân-ât.
 один время-GEN NEG приходить-PFV-3PL
 ‘Некоторые гости пришли в разное время’.

Однако имеющиеся у нас на данный момент примеры не совсем тождественны примеру (31) из лугового марийского, поскольку в (31), в отличие от (33)–(35) референты индивидуализированы. Из всех имеющихся примеров носители наиболее последовательно разрешали множественное число в (36), что служит аргументом в пользу того, что параметр дистрибутивности хотя бы в некоторых контекстах важен.

(36a) *tî vâc mešäk / mešäk-vlä kâm kilo-an-vlä*
 тот пять мешок мешок-PL три килограмм-ATTR
âl-ât.
 быть-NPST.3PL
 ‘Эти три мешка весят по три килограмма’.

(366)	<i>ti</i>	<i>văc</i>	<i>mešäk</i>	/	<i>*mešäk-vlä</i>	<i>kâm</i>
	тот	пять	мешок		мешок-PL	три
	<i>kilo-an</i>				<i>âl-eš.</i>	
	килограмм-ATTR				быть-NPST.3SG	
	‘Эти три мешка (вместе) весят три килограмма’.					

5. Выводы

Выбор числа в количественных конструкциях в горномарийском языке регулируется особым набором правил, отличным от правил выбора числа вне таких конструкций. Числительные определяют число существительного в целом строже, чем кванторы. Бóльшая часть правил, описанных для количественных конструкций в языках мира, оказываются для горномарийских количественных конструкций нерелевантными — например, арифметическое значение числительного, одушевленность существительного, референциальные характеристики. Зато числовое маркирование во многом определяется такими факторами, как наличие зависимых между числительным / другим кванторным словом и существительным, количество таких зависимых и их тип (например, одиночные причастия чаще влияют на выбор граммы, чем одиночные прилагательные), синтаксическая позиция ИГ и в некоторых идиомах дистрибутивность. Так, в конструкциях с количественными числительными часть носителей разрешает множественное число, если числительное отделяется от существительного только одним зависимым (равным одной словоформе), и все большее число носителей признает допустимость PL маркирования по мере увеличения линейного расстояния между числительным и квантифицируемым существительным. Факторы косвенной синтаксической позиции и дистрибутивности оказывают менее ошутимое влияние (PL маркирование разрешается несколько реже), но при этом они усиливают влияние друг друга.

Фактор наличия зависимых работает как в случае с числительными, так и с кванторами. Что касается остальных факторов, влияющих на маркирование в конструкциях с числительными, то их влияние на конструкции с кванторами нуждается в дополнительном изучении. Таким образом, случаи употребления PL в количественных конструкциях, по крайней мере в данном идиоме, нельзя объяснить просто «русским влиянием», как это утверж-

далось в [Шматова, Черниговская 2012], поскольку для русского языка выявленные нами оппозиции нерелевантны. Так, например, числительное *три* в русском языке требует после себя формы единственного числа, а числительное *пять* — формы множественного числа вне зависимости от наличия и количества зависимых, ср. *три ножа*; *три острых ножа* / *ножей; *три острых папиных ножа* / *ножей; *пять ножей*; *пять острых ножей*; *пять этих острых папиных ножей*. В горномарийском языке выбор между SG и PL в количественных конструкциях обусловлен системными внутриязыковыми причинами, ср. также диахронически засвидетельствованную в [Тужаров 1987: 17] вариативность числового маркирования в таких конструкциях в условиях менее сильного влияния русского языка, чем в последние десятилетия.

С типологической точки зрения интересно и то, что факторы, регулирующие выбор числа в таких конструкциях, отчасти совпадают с факторами, регулирующими числовое согласование с предикатом (ср. наличие зависимых и ‘real distance’). Исследование того, насколько такое пересечение оказывается типологически частотным, могло бы стать любопытной задачей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ATTR — атрибутивизатор; CVB — конверб; DAT — датив; DEC — десяток; DU — двойственное число; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; NARR — нарратив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PART — причастие; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRET — претерит; PST — прошедшее время; SG — единственное число; ^{OK} — (используется в таблицах) предложение оказалось приемлемым для всех или практически всех опрошенных носителей; [?] — предложение оказалось приемлемым для большей части опрошенных носителей; ^{??} — предложение оказалось приемлемым для небольшого количества опрошенных носителей; * — предложение было запрещено всеми или практически всеми опрошенными носителями.

Литература

Аплонова, Сай 2014 — Е. С. Аплонова, С. С. Сай. Числовое маркирование сказуемого (на материале башкирских устных текстов) // Ф. Г. Хисамитдинова (ред.). Актуальные проблемы диалектологии

- языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 98–108. [E. S. Arlonova, S. S. Sai. Chislovoe markirovanie skazuemogo (na materiale Bashkirskikh ustnykh tekstov) [Number marking of a predicate (on the material of Bashkir oral texts)] // F. G. Khisamitdinova (ed.). Aktual'nye problemy dialektologii iazykov narodov Rossii: Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Ufa: IIIaL UNTs RAN, 2014. P. 98–108].
- Бочкова 2016 — А. Д. Бочкова. Экспедиционный отчет. Рукопись. МГУ, М., 2016. [A. D. Bochkova. Ekspeditsionnyi otchet [Fieldtrip report]. Manuscript. MGU, M., 2016].
- Бочкова, настоящий сборник — А. Д. Бочкова. Числовое маркирование существительных в горномарийском языке // Настоящий сборник. [A. D. Bochkova. Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nykh v gornomariiskom iazyke [Number marking of nouns in Hill Mari] // Current issue].
- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа 58 (6), 2008. С. 33–46. [E. V. Kashkin. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsogo dialekta komi-zyrianskogo iazyka [Possessive declension in the Muzhi idiom of the Izhem dialect of Komi-Zyryan] // Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga 58 (6), 2008. P. 33–46].
- Кашкин, в печати — Е. В. Кашкин. Определенное склонение в мокшанском языке // Материалы для сборника мокшанской экспедиции ОТиПЛ МГУ, в печати. [E. V. Kashkin. Opredelennoe sklonenie v mokshanskom iazyke [Determinate declension in Moksha] // Materialy dlia sbornika mokshanskoi ekspeditsii OTiPL MGU, in print].
- Кондратьева 2010 — Н. В. Кондратьева. К вопросу о грамматической категории числа имен существительных в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. 5. История и филология. Вып. 2. 2010. С. 92–101. [N. V. Kondrat'eva. K voprosu o grammaticheskoi kategorii chisla imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom iazyke [On the problem of grammatical status of number in nouns in Udmurt] // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. 5. Istoriia i filologiya. 2. 2010. P. 92–101].
- Плешак 2015 — П. С. Плешак. Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции в мокшанском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Москва: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2015. С. 146–164. [P. S. Pleshak. Ierarkhiia odushevlennosti i vybor possessivnoi konstruktssii v mok-

- shanskom iazyke [Animacy hierarchy and the choice of a possessive construction in Moksha] // E. A. Liutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2014»*. Vyp. 1. Moscow: MGGU im. M. A. Sholokhova, 2015. P. 146–164].
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа, МГУ, М., 2017. [P. S. Pleshak. *Morfosintaksis imennoi gruppy v mokshanskom i gornomariiskom iazykakh* [Morphosyntax of a nominal phrase in Moksha and Hill Mari]. Bachelor thesis, MSU, M., 2017].
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. *Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica*; T. 5. 2002. [A. A. Savatkova. *Gornoe narechie mariiskogo iazyka* [The Hill dialect of Mari]. *Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, Bibliotheca Ceremissica*; Vol. 5. 2002].
- Сидорова 2015 — М. А. Сидорова. Число в мокшанских количественных конструкциях // Д. Ф. Мищенко (ред.). Двенадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2015. С. 84–88. [M. A. Sidorova. *Chislo v mokshanskikh kolichestvennykh konstruktssiakh* [Number in Moksha numerical constructions] // D. F. Mishchenko (ed.). *Dvenadtsataia Konferentsiia po tipologii i grammatike dlia molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov*. SPb: Nestor-Istoriia, 2015. P. 84–88].
- Сидорова 2016 — М. А. Сидорова. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Москва: МПГУ, 2016. С. 260–272. [M. A. Sidorova. *Konkurentsiiia formy dvoistvennogo chisla i konstruktssii s chislitel'nyim v khantyiskom iazyke* [Competition between dual number form and a construction with a numeral in Khanty] // E. A. Liutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiiia morfosintaksicheskikh parametrov 2016»*. Vyp. 3. Moscow: MPGU, 2016. P. 260–272].
- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. [S. G. Tatevosov. *Semantika sostavliaiushchikh imennoi gruppy: kvantornye slova* [Semantics of nominal phrase constituents: quantifiers]. M.: IMLI RAN, 2002].

- Толдова, Сердобольская 2002 — С. Ю. Толдова, Н. В. Сердобольская. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Т. Б. Агранат (ред.). Лингвистический беспредел. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 106–124. [S. Yu. Tol-dova, N. V. Serdobol'skaia. Nekotorye osobennosti oformleniia priamogo dopolneniia v mariiskom iazyke [Some features of direct object marking in Mari] // T. B. Agranat (ed.). Lingvisticheskii bespredel. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2002. P. 106–124].
- Тужаров 1987 — Г. М. Тужаров. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987. [G. M. Tuzharov. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom iazyke [Grammatical categories of the noun in Mari]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987].
- Хомченкова, Плешак 2017 — И. А. Хомченкова, П. С. Плешак. Дискурсивные функции посессивного показателя 3SG в горномарийском языке // Тезисы чтений к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.). М., 2017. Электронная публикация: <http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/> [И. А. Khomchenkova, P. S. Pleshak. Diskursivnye funktsii possessivnogo pokazatelya 3SG v gornomariiskom iazyke [Discourse functions of the possessive marker 3SG in Hill Mari] // Tezisy chtenii k 85-letiiu so dnia rozhdeniia A. I. Kuznetsovoi (MGU, 3–4 marta 2017 g.). M., 2017. Elektronnaia publikatsiia: <http://otipl.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/>].
- Шматова 2010 — М. С. Шматова. Конструкции «числительное+существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VI, 3, 2010. С. 181–185. [M. S. Shmatova. Konstruktsii "chislitel'noe+sushchestvitel'noe" v khantyiskom iazyke: sluchai markirovaniia sushchestvitel'nogo pokazatelem chisla (na materiale teginskogo govora khantyiskogo iazyka) [Constructions "numeral+noun" in Khanty: the case of marking a noun with a number marker (on the material of the Tegi dialect of Khanty)] // Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovani RAN VI, 3, 2010. P. 181–185].
- Шматова 2013 — М. С. Шматова. Количественные конструкции в мордовских языках: числовое маркирование существительных // Тезисы на конференцию «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, 16–18 октября 2013 г. [M. S. Shmatova. Kolichestvennye konstruktsii v mordovskikh iazykakh: chislovoe markirovanie su-

- shchestvitel'nykh [Numerical constructions in Mordva: number marking of nouns] // Tezisy na konferentsiiu "Tipologiiia morfo-sintaksicheskikh parametrov", Moskva, 16–18 oktiabria 2013 g.]
- Шматова, Черниговская 2012 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская, Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 221–247. [M. S. Shmatova, E. A. Chernigovskaia, Kategoriia chisla sushchestvitel'nogo v mariiskom i permskikh iazykakh [Number of the noun in Mari and Permian languages] // A. I. Kuznetsova (ed.). Finno-ugorskie iazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniia. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody. M.: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012. P. 221–247].
- Alhoniemi 1993 — A. Alhoniemi. Grammatik des Tscheremissischen (Mari): mit Texten und Glossar. Hamburg: Buske, 1993.
- Babby 1987 — L. H. Babby. Case, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory* 5, 1987. P. 91–138.
- Bach et al. 1995 — E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee. Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers / Springer, 1995.
- Belnap 1999 — R. K. Belnap. A new perspective on the history of Arabic: variation in marking agreement with plural heads // *Folia Linguistica* 33, 1999. P. 169–186.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. Number. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. Agreement. Cambridge Textbooks in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Greenberg, Kemmer 1990 — J. H. Greenberg, S. Kemmer. Generalizations about Numeral Systems (On Language: Selected Writings of Joseph H. Greenberg). Stanford, California: Stanford University Press, 1990.
- Roehers, Sapp 2016 — D. Roehers, Ch. Sapp. Quantifying Expressions in the History of German. Syntactic reanalysis and morphological change. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016.